

ЭСТАКАДА

Из документальной повести «Серебряные звенья»

Памятуя о прошлой неудачной поездке в проектный институт, когда так и не удалось договориться о скором переоборудовании буровых станков, Чахлов и на этот раз приготовился к худшему. Теперь дело представлялось еще более сложным: ведь добиваться приходилось не частичных изменений, а замены проекта в целом, то есть перечеркивать всю многомесячную работу большого институтского коллектива. Элементарная честь мундира требовала от работников института встретить предложение Чахлова в штыки.

Но дело было не только в чести мундира. Новинка, которую Чахлов вез в портфеле, принадлежала скорее завтрашнему, чем сегодняшнему дню. Несмотря на свою очевидную перспективность, такие новшества с трудом и долго пробивают себе дорогу. Помимо сугубо внутренних возражений у института наверняка найдутся и серьезно обоснованные претензии. Например, они непременно спросят: кто, где и когда испытывал такую эстакаду? Ах, никто и нигде — и вы, несмотря на это, хотите ее строить, да еще на вечной мерзлоте, при шестидесятиградусных морозах? Можно, разумеется, ответить, что ждать чьих-то испытаний и опытов БАМ не может, он все испытает сам, но не всех таким разъяснением убедишь.

Собираясь в Томск, в институт, Владимир Степанович тщательно обдумывал, какую избрать дипломатию, какие привести аргументы. Но ничего, кроме технических и экономических расчетов, у него за душой не было, да ничем иным он пользоваться и не умел.

В Томск самолет прибыл днем, и Владимир Степанович, не теряя времени на устройство в гостиницу, отправился прямо в институт. Начинать переговоры он решил с главным инженером проекта, которого немного знал по Тынде.

Главный инженер проекта, довольно молодой, но уже с залысинами человек, сразу узнал Чахлова.

— Кто к нам пожаловал! — широко улыбаясь, поднялся он из-за стола. — Ас мостостроения!

Он крепко пожал гостю руку.

— Ну, рассказывайте, какие взяли вершины, как поживает БАМ? — Главный инженер указал на кресло напротив себя.

— БАМ гудит, а вот мы зашились, —

усаживаясь, сказал Чахлов. — Никаких вершин, как бы дело не завалить.

— Не может быть. — Хозяин кабинета посмотрел на гостя с удивлением. — Ни за что не поверю, чтобы у вас да вдруг — завал.

— Линию Тында—Беркакит решено пустить на год раньше срока. С остальными мостами мы управимся, а вот с эстакадой... — Владимир Степанович развел руками.

— Эстакада? — переспросил главный инженер. — Это которая перед угольным разрезом?

— Она самая, — подтвердил Чахлов. — Для нас она сейчас что кость в горле.

— Нда, — покачал головой собеседник. — Объем работ там большой. Что же делать?

Чахлов не спеша раскрыл портфель, извлек из него кожаную папку и положил на стол.

— Есть одна мыслишка, — сказал, не глядя на главного. — Добыл я в Москве один проект, разработанный самим Андреевым. Что вы на это скажете?

— Новый проект? — заинтересованно спросил хозяин кабинета. — Самого Андреева?

Он раскрыл папку, развернул чертежи и несколько минут смотрел на них удивленно, видимо, ничего не понимая. Потом положил бумаги на стол, склонился и стал тщательно рассматривать.

— Что это? — не поднимая взгляда, спросил не то Чахлова, не то самого себя. — Пролеты не крепятся к опорам, а свободно скользят? Значит, нет сил опрокидывания? Это же гениально. Вся нагрузка на устой... Ах, Андреев!

Чахлов с любопытством наблюдал за ним. Главный инженер бегал глазами по чертежам, впитывая в себя мысли другого, почитаемого им инженера.

— Послушайте, Владимир Степанович!.. — Он наконец оторвался от стола, опустился в кресло. — Мы тут корпим над избитыми решениями и знать не знаем, что рядом есть такие замечательные новинки. И вы, значит, беретесь эту идею осуществить?

Владимир Степанович неопределенно развел руками.

— Как вам сказать? Не даст институт согласия — лично у меня будет спокой-

ная жизнь. Сделаю я фундаменты под вашу эстакаду и уйду на главную трассу БАМа. Никто мне плохого слова не скажет. Но на год раньше срока линия в Беркакит не придет.

— Но, однако, вы приехали, чтобы отстаивать новый проект?

— Да.

— Выходит, сами хотите надеть себе ярмо?

— Не совсем. Эстакада нужна не только для досрочного пуска линии, — сказал он. — Она — будущее мостостроения. Сейчас мы бьемся над тем, чтобы сделать мосты полностью сборными. С малыми мостами вопрос решен. Но, выходит, так можно строить и большие.

Главный инженер с минуту сидел молча.

— Вы в какой гостинице устроились? — спросил наконец.

— Пока не устроился. Не успел.

— Поселим вас в лучшую гостиницу «Томь». Дня три, думаю, вас устроит. Если, конечно, нет других дел. За это время мы все решим. Конечно же, проект этот надо поддержать — грех отказываться от такой изюминки. Возможно, у руководства будут какие-либо возражения. Да ничего, отстоим. Но вы-то нас не подведете?

— Это для меня вопрос чести. — Чахлов встал. — Я ведь сам надеваю, как вы говорите, ярмо, знаю, на что иду.

— Хорошо. — Главный инженер улыбнулся — Ну, так рассказывайте, что там на БАМе...

За те четыре дня, что Чахлов потратил на поездку в Томск, главный энергетик Курзон полностью восстановил ЛЭП, с соседних участков свезли вагончики, буровую технику и начали долбить первые скважины под опоры.

Едва по обе стороны дороги начали работать буровые станки, как на трассе стали то и дело останавливаться машины. Водители устраивали себе перекур и с интересом наблюдали, как буровики грызут скалу.

— Что делаете, ребята? — спрашивали многие. — ЛЭП, что ли?

— Не ЛЭП, а мост, — довольный таким вниманием, отвечал Романчук.

— Мост? — удивлялись водители. — Где ж тут река?

— А дорога? — смеялись буровики. — Чем не река?

Почти никто из водителей не видел до этого буровых станков, поэтому за работой мостовиков наблюдали подолгу. Романчук даже сказал на обеде:

— Вы, хлопцы, хоть бы пододелись приличнее — люди на вас глазуют. Особенно ты, Ковригин. Ходишь, как обормот.

Но вскоре он и сам перестал обращать внимание на посторонних: работа, как всегда, захватила его без остатка.

Оба буровых комплекса делали свое дело с размеренной и выверенной четкостью. Станки передвигались по площадке, как

фигуры по шахматной доске. Там, где вчера ухали тяжелые буровые снаряды, сегодня уже торчали из-под земли массивные концы столбов. С каждым днем этих отметин становилось все больше, они сплетались в густую сеть.

Любопытство проезжающих по трассе не ослабевало. Вскоре, однако, стали задавать и другие вопросы:

— Где же ваш мост, ребята? Путьекладчик-то вот-вот сюда нагрянет.

— Половина моста уже есть, — отшучивались буровики. — Фундаменты садим на глубину, равную высоте восьмизэтажного дома. А сверху будет пять этажей.

Но такие объяснения никого не устраивали. Стройка неудержимо рвалась на север, местные газеты в каждом номере обращались к строителям с вопросом: «Что ты сделал для досрочного пуска линии Тынды—Беркакит?» Кое-кого критиковали за срывы тех или иных работ, но в целом картина была радужная: казалось, ничто не может остановить общего наступательного порыва.

И словно холодным душем окатывало каждого, кто оказывался на последнем рубеже стройки, где зияла впадина между сопками, практически еще не тронутая строителями. Кажущееся затишье на этом участке волновало не только сторонних наблюдателей, но и руководителей строительных подразделений. На заседаниях штаба по руководству пуском линии, который работал теперь при главке, управляющего трестом Блинкова однажды спросили:

— Как понимать отсутствие работ на эстакаде?

— Никакого «отсутствия», работы ведутся полным ходом, — заявил Леонид Соломонович. — Фундаменты закладываются с опережением графиков.

— Фундаменты — да. Но ничего не делается по самому мосту. Неужели вы надеетесь построить внеклассный мост за оставшиеся три месяца? Или прикажете бить отбой?

Но то, что наблюдали все на строительной площадке, была лишь видимая часть айсберга. Главная же работа была скрыта от посторонних глаз. На полигоне пятьдесят четвертого мостоотряда круглые сутки работали сварщики, собирая огромные металлические основы полуферм. Их заливали бетоном, прогревали электричеством, очищали и подгоняли друг к другу, готовили к ним закладные детали.

Конечно, начини сейчас Чахлов монтировать хотя бы первую опору, претензии к мостовикам утихли бы. Но устанавливать конструкции без контрольной сборки на полигоне было более чем рискованно. Случись хотя бы малейшее отклонение в одной из полуферм, пришлось бы все их везти обратно, подгонять, а может, и переделывать заново. В такой ответственный момент люди должны работать спокойно, без нервотрепки, иначе можно дров наломать, рассудил Блинков.

Наконец, начали контрольную сборку. Все, что было наготовлено, отлажено, по-

догнано, теперь монтировали в натуре — не на строительной площадке, а на полигоне. Несколько инженеров вели хронометраж, фиксируя время, затраченное на каждую операцию. Получив от них данные, Чахлов довольно сказал:

— Ну, ребятки, все в ажуре. Хватит нам двух месяцев, чтобы собрать эстакаду. Объявляется готовность номер один.

И загудела земля на подступах к Нерюнгри.

Громадные КрАЗы, груженные полуфермами и пролетными строениями, гусеничные краны с длинными стрелами, бульдозеры, цементовозы — вся эта сила ревели моторами на небольшом пяточке. В стальных недрах машин клочкотали тысячи лошадиных сил, готовые, казалось, по первой команде разнести окрестные сопки.

Содрогалась земля, содрогался воздух, осыпался снег с ближайших деревьев.

Люди собрались возле вагончиков, с восхищением любовались гудящей арматурой.

— Это, братцы, знаете, что напоминает? — спросил Ковригин. — Штурм Берлина — точь-в-точь. Только прожекторов нету.

Сравнение понравилось, его тут же подхватили.

— А вот и маршал Жуков, — сказал Романчук, когда из уазика вылез Чахлов.

Владимир Степанович прошелся вдоль дороги взад-вперед, любуясь редким зрелищем. Не зря он ездил в проектный институт. Новый проект начинал осуществляться. Потом Чахлов подошел к буровикам, каждому пожал руку.

— Что, товарищи, впечатляет картина?

— Ага. Мы эту операцию уже назвали «Последний штурм Берлина».

— Годится, — согласился Чахлов. — Для нас это, действительно, последний штурм... Малого БАМа.

Пока разгружали конструкции, Чахлов собрал в вагончике специалистов и бригадиров.

— Ну, соколики, пробил наш час. — Владимир Степанович обнажил седую голову. — Как говорится, не посраим землю русской. Весь коллектив готовился к этому штурму, а совершить его выпало вам. Руководить работами по возведению эстакады будет главный инженер Хисный. Помогают ему — каждый по своей части — главный энергетик Курзон и прораб Евликов. Тылом, то есть всем обеспечением, командует главный механик Брусиловский. Установку опор, бетонирование ростверков, монтаж пролетных строений ведут присутствующие здесь бригады. Работать будем сменами — по четыре часа: больше на таком ветру и морозе люди не выдержат. Командирам придется находиться на посту беспрерывно. Общие команды подаются по мегафону, частные вопросы будете решать по рации, не отры-

ваясь от работы. Сколько приготовлено раций?

— На всех специалистов и бригадиров, — доложил Курзон. — Есть и резервные.

— Тогда все!

Возле южной сопки уже установили кран, рабочие зацепили тросом конец одной полуфермы. Плавно покачиваясь, она медленно поползла вверх. Когда и второй конец оторвался от земли, ее стали заводить к гнезду в фундаменте.

— Майна, — скомандовал по мегафону Евликов.

Громадная конструкция качнулась еще несколько раз и начала оседать. Через минуту она уже была на месте, вздымаясь над землей, точно устремленная в небо ракета.

— Отменно! — проговорил Чахлов, взглянув на часы.

Начали поднимать вторую полуферму. Фундамент для нее был несколько дальше, стрелы у крана не хватило, пришлось опустить полуферму на место. Но со второго захода все получилось так же быстро, как и с первой полуфермой.

— И это ничего. — Чахлов снова глянул на часы. — Но можно быстрее. — Он включил рацию: — Игорь, понял ошибку?

— Понял, Владимир Степанович, — раздался голос Евликова. — Впредь будем ставить с первого захода.

Наверх уже поднимались сварщики, которые должны были скрепить полуфермы. На высоте пятого этажа заплясали огни сварки.

— Как закладные детали, точно совпадают? — спросил Чахлов у одного из бригадиров. — Просветов между полуфермами нет?

— Все в порядке, Владимир Степанович, — отозвался бригадир. — Как в аптеке.

Владимир Степанович понимал, что Хисный и другие делают свое дело основательно и добротнo, во многом потому, что рядом с ними — он, их «дед», по которому всегда можно выверить свои действия.

С самого начала у него не было сомнений в успешном завершении работы, но ответственность так велика, что под ее тяжестью здоровье в последние дни начало сдавать. По ночам он вдруг просыпался оттого, что начинало щемить сердце. Владимир Степанович никогда не пользовался валидолом, не пил валерьянки и других сердечных лекарств, однако теперь все больше опасался, что и до них дойдет дело. И вот то, чего долго ждали, к чему готовились и стремились, начало вершиться и, надо сказать, пока почти без накладок.

Вид взметнувшейся вверх ажурной опоры вызвал у него такой прилив сил и вдохновения, что Владимиру Степановичу захотелось отбросить всю сдержанность и вскарабкаться наверх, туда, где полыхали сполохи сварки...

Мостовики не подвели: дорога Тында — Беркакит была сдана в срок.